

Т.М.Дубович

Руководство для любителей, или Махровая георгина на последний рубль... Об И.И.Трояновском

Сто лет назад, в 1912 году, в Москве по инициативе известного московского врача-терапевта Ивана Ивановича Трояновского было создано Московское Общество Любителей Орхидей (МОЛО), всего на шесть лет позже, чем самое крупное общество современной ему Европы – в Германии. Основу нового общества составили члены группы любителей орхидей Московского Общества Любителей Аквариумов и Комнатных Растений, находившегося под патронатом Императорской фамилии, - А.П. Ланговой, С.И. Воронин, Б.А. Федченко и другие.

Об Иване Ивановиче Трояновском известно не очень много.

Родился в 1855 г. в Калужской губернии. Выходец из смоленских дворян шляхетского происхождения. Студентом-медиком брал уроки пения у Александры Доримедонтовны Кочетовой-Александровой (оперной певицы, по сцене – Александровой, профессора Московской консерватории со дня ее основания), мечтая об оперной карьере, – у него был голос, но - не лучшего тембра, к тому же медицина манила сильнее. Позже брал уроки живописи у Сергея Арсеньевича Виноградова, русского живописца, одного из основателей Союза русских художников (1903). В живописи Трояновский достиг значительных успехов, но, как и в истории с оперой, победило истинное призвание: медицина.

Окончил медицинский факультет Московского университета и остался в Москве - работал в городских больницах: до 1917 года врачом Московской городской рабочей больницы, позже - больницы Парка городских трамваев, а также больницы Московского коммунального хозяйства. Одновременно занимался обширной частной практикой.

В начале 1880-х годов Трояновский женился на старшей дочери калужских дворян Обнинских Анне Петровне. В приданое за дочерью Петр Наркизович Обнинский дал выстроенную для нее в 1880-е годы на землях имения Белкино под Калугой усадьбу Бугры. Там Трояновские и стали жить летом. В Москве же семья жила в небольшом доме на стрелке между Большой и Малой Молчановкой, затем снимала квартиру в новом доме постройки 1907 года в Скатерном переулке на Арбате. В Буграх Трояновский увлекся садоводством; высадил в парке редкие древесные породы: маньчжурский орех, пробковое дерево, сибирский кедр, десятки сортов сирени. Там же позже построил оранжерею. Уже после смерти Трояновского, в 1932 г., дом в Буграх купил известный художник П. П. Кончаловский.

И.И.Трояновский, А.П.Трояновская и их дочь Аня

Художник В.Д.Поленов с дочерьми Натальей и Ольгой и доктором И.И.Трояновским

По воспоминаниям друзей Трояновских, это была одна из самых замечательных семей русских интеллигентов того времени. Со многими из художников Трояновские дружили семьями, и их московская квартира часто бывала местом встреч любителей искусства.

Именно врачебная практика познакомила и подружила Трояновского с А. П. Чеховым, С. В. Рахманиновым, В. Д. Поленовым, Н. К. Метнером, И. Э. Грабарём, Ф. И. Шаляпиным. Лечил и был близким другом В. А. Серова и И. И. Левитана - оба страдали от тяжелой болезни сердца.

Вероятно, именно этот круг общения и способствовал тому, что Трояновский начал коллекционировать русскую живопись, преимущественно модернистского направления. Начало коллекции было положено в 1880-е годы, когда им был куплен эскиз к картине Василия Поленова «Больная» (находится в Третьяковской галерее в Москве). В начале XX века в коллекции Трояновского насчитывалось уже более двухсот произведений живописи и графики Врубеля, Серова, Левитана, Грабаря, Коровина, Репина и других, менее известных художников.

В 1904 году Игорь Грабарь писал в письме брату: «Трояновский покупал у меня за 200 рублей этюд, который я успел уже написать, но я не мог с этого человека взять денег и подарил его ему. Как-то грешно с таких брать. Сам зарабатывает практикой, отказывает себе во многом (это я знаю), только чтобы иметь возможность купить что-нибудь».

Вспоминая о Трояновском, друг его Алексей Петрович Ланговой, профессор Московского университета и Московских высших женских курсов, доктор медицины, известный в те времена врач-терапевт, гласный Московской городской думы, писал: «Я не встречался с Трояновским первое время коллекционирования, и не могу последовательно рассказать, как создавалось его собрание, но потом, когда я увидел его, я убедился, что он собирал и с большой энергией, и с большим пониманием и вкусом. В конце концов он собрал выдающуюся коллекцию, и особенно хороши были в ней пейзажи именно Левитана, но и другие художники были в ней представлены превосходными вещами».

А. П. Ланговой.

А.П.Ланговой

Жемчужиной коллекции Трояновского была подаренная В.А.Серовым пастель «Стригуны на водопое».

На рубеже XIX–XX веков увлечение коллекционированием широко распространилось в среде банкиров, промышленников, фабрикантов. Многие московские собиратели и сами учились живописи (С.А.Щербатов, В.В. фон Мекк, Н.П.Рябушинский, И.С.Остроухов, И.И.Трояновский, Г.Л.Гиршман, Серг.Т.Морозов). По инициативе московских меценатов и при их финансовой поддержке были созданы многочисленные кружки, союзы, общества, способствующие художественному образованию публики.

Одной из таких организаций, сыгравшей важную роль не только в культурной жизни Москвы, но и в объединении самих коллекционеров, стало «Общество свободной эстетики» (1907–1917). Вот как описывает рождение общества В.Брюсов: «Весной 1906 г. среди нескольких лиц, поклонников искусства, возникла мысль основать общество, которое соединяло бы в себе служителей всех родов искусства — художников, музыкантов, поэтов, драматических и балетных артистов с целью сближения их между собой. В течение декабря учредители несколько раз собирались в квартире Г.Гиршман для выработки устава. Название, предложенное В.В.Перепплетчиковым, — общество «Свободной эстетики» было всеми одобрено и принято». А.Белый вспоминал: «В подборе членов был вкус; И.И.Трояновский, искатель талантов, коллекционер и выращиватель орхидей; Остроухов, театровед А.Бахрушин, ... «Эстетика» стала местом новых знакомств; буржуазия, сидя у стенок, первое время покорно внимала нам вместе с демократическими курсистками».

Основателями общества были коллекционеры И.И.Трояновский, В.О.Гиршман, композитор и музыкальный критик Н.Р.Кочетов, поэт В.Я.Брюсов, художник В.В.Перепплетчиков.

Трояновский — талантливый врач, хирург и терапевт, уже широко был известен в среде московской творческой интеллигенции как страстный любитель искусства, собиратель картин русских художников. Обратимся опять к А. Белому: «Иван Иванович Трояновский, душа комитета, незабываем; ему было лет пятьдесят, а он, как ребенок, носился с каждым достижением Ларионова, Кузнецова, Судейкина... Небольшого росточку, с носом, загнутым в торчки усиков, крепкий и верткий, он едко иронизировал вместе с Грабарем, но не был — «натюрмортом», как Грабарь, взрываясь сердечным энтузиазмом, делавшим его присутствие незаменимым в «Эстетике»<...> этот мечтатель и любвеобиль-

ный отец, ставший отцом всех, любивших «Эстетику», за которую — с кем не бодался он?.. В житейское дело «Эстетики» он вносил, где мог, и сердечность, и мудрую мягкость, склоняясь к талантам, которых выращивал он, как свои орхидеи, потряхивая хохолком, суетясь гогольком; петушишка по виду, по сути же — сокол, стрелой налетал на ехидн, заползавших в «Эстетику»: жалить украдкой».

В отличие от многих коллекционеров Трояновский не гнался за модными именами и не стремился собрать у себя все существующие направления. Он руководствовался лишь собственным художественным вкусом, которые многие считали совершенным.

В 1917 году коллекция Трояновского была национализирована и передана в Третьяковскую галерею в 1917 г. (по другим источникам – передана туда на временное хранение), в начале 1920-х годов большей частью, за исключением особо ценных произведений, была возвращена владельцу. Однако уже в это время Трояновский задумывался о дальнейшей ее судьбе. В 1928 году, незадолго до смерти, он вел переговоры о передаче коллекции в Русский музей, «стремясь видеть свои любимые вещи в Музее, в исключительном по прочности месте». (См.: Е. Илюхина, И. Шуманова. Коллекционеры общества «Свободная эстетика». Наше Наследие. 2009. № 89.) Впоследствии, как предполагают по архивным материалам, часть коллекции Трояновского перешла к известному частному коллекционеру И.С.Зильберштейну.

Но было у доктора Трояновского еще одно увлечение, не менее сильное, - то, благодаря которому его знаем мы: он выращивал орхидеи. В своих рассказах его друзья лишь вскользь упоминают об этом, с мягкой иронией, без насмешки. Вспоминают, как однажды, еще в студенческие годы, он чуть не на последний рубль купил какую-то «махровую георгину». А потом где-то увидел цветущую орхидею – и заболел этой красотой «до неизбывной страсти».

На рубеже XIX – XX веков всеевропейское увлечение орхидеями настигло и Россию. Известная фирма Сандера начала поставлять в Россию экзотические растения. Это были благословенные времена для состоятельных российских культиваторов орхидей. Виды попроще можно было купить в своем отечестве, редкости - выписать из-за границы. В таких условиях создавались уникальные коллекции.

О популярности орхидей в дореволюционной России говорит и то, что с 1892 по 1917 год было издано около 10 книг, среди них значительная часть российских авторов.

В 1894 году в России вышло седьмое издание фундаментального труда "Руководство для выращивающих орхидеи" Вильямса, где описан *Cypripedium leeanum engelhardtiae* Hort., названный так в честь Констанции Энгельгардт, жены одного из известнейших орхидеистов (как тогда говорили, *культиваторов* орхидей) России.

В 1876 году вышел еще один труд Вильямса - «Лучшие тепличные и оранжерейные растения (Орхидеи)».

В 1892 - интереснейшая книга У. Уатсона (при участии У. Бина, старшего садовника в Кью) «Орхидеи. Уход за ними и их содержание, с описанием всех видов, встречающихся в садах».

В 1904 – книга Ф. Ледина «Культура красивоцветущих орхидей для резки и декорации. Руководство для садовников и любителей».

В 1911 - книга А.П. Лангового, который сам в центре Москвы выращивал около 150 видов орхидей, рододендроны, камелии, - «Любительская теплица на высоте 7 этажа».

В 1913 Н.И. Лихачев издает уникальную книгу «Культура орхидей в комнатах» – да, к этому времени орхидеи уже начали пробовать выращивать не в теплицах, а в комнатах!

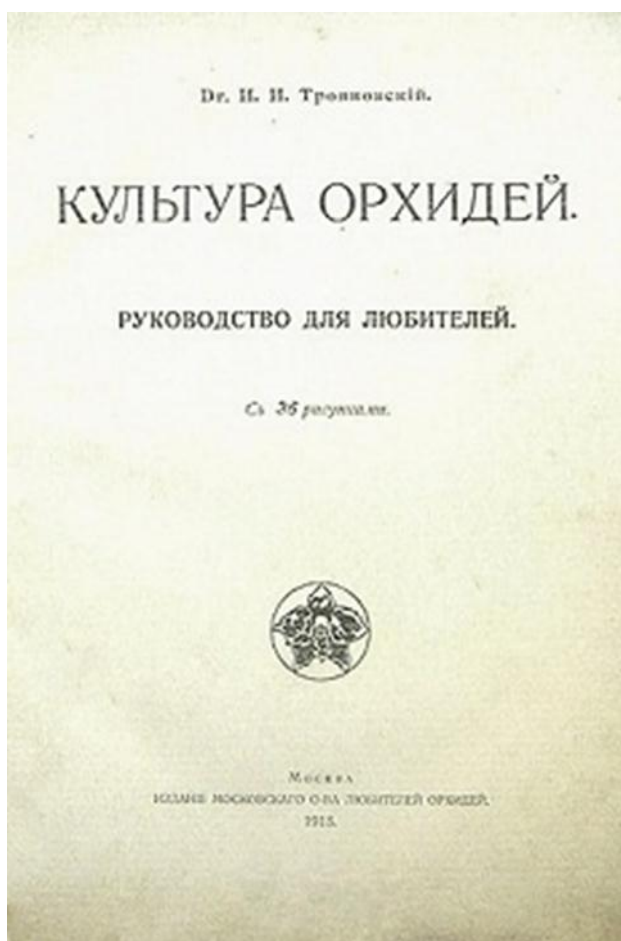
В 1914 году увидела свет книга В.А. Вишнякова «Орхидеи, содержание и уход за ними в комнате» - орхидеи прочно завоевывают комнаты!

К 1910-м годам в России уже было столько культиваторов этих необыкновенных растений, что потребовалось создание общества единомышленников, и в 1912 году оно было создано: Московское Общество Любителей Орхидей (МОЛО). Инициатором его создания и председателем стал уже известный к тому времени в Европе орхидеист Иван Иванович Трояновский. Появление общества стало европейским событием после публикации в январе 1913 года в журнале «Orchid World». Со временем такое же общество было создано в Санкт-Петербурге, были любители этих экзотических растений и в других городах России. Орхидеисты-любители тех давних времен не только прекрасно выращивали орхидеи и писали о них книги, они еще дерзостно в тех условиях занимались их гибридизацией и семенным размножением. К сожалению, до нас дошло лишь изображение одного из прекраснейших гибридов того времени, созданного Трояновским и названного в его честь, - *Odontoglossum Troyanowskyanum*.

Odontoglossum Troyanowskyanum

А в 1913 году вышла книга Трояновского «Культура орхидей. Руководство для любителей».

Книга эта уникальна – написанная сто лет назад по личному опыту культиватора и охватывающая орхидеи всех трех температурных групп, она до сих пор не утратила актуальности! Трояновский дает подробные помесечные указания по культуре растений, по сезонным работам в оранжереях, даже по устройству и отоплению оранжерей! Кроме того, в книге приведены очень ценные «Краткие таблицы по культуре орхидей», о чем он пишет:

«Зная по личному опыту, какъ важно для каждаго культиватора имѣть подъ рукою краткія справочныя таблицы по культурѣ орхидей, я составилъ ихъ по примѣру нѣкоторыхъ французскихъ и англійскихъ садоводовъ для большинства видовъ и нѣкоторыхъ естественныхъ гибридовъ, которыя наиболѣе часто и охотно разводятся любителями. Давая такія таблицы почти для трехъ сотъ орхидей, я помѣстилъ въ нихъ точныя и вѣрныя данныя въ отношеніи ихъ происхожденія, времени цвѣтенія, періодовъ роста и покоя, мѣста содержанія и нѣкоторыя особо важныя замѣчанія по ихъ посадкѣ, культурѣ, или индивидуальнымъ требованіямъ».

«Культура орхидей» была не единственная книга доктора Трояновского, посвященная растениям; удалось найти информацию еще о двух: «Природа и ее явления», 1917 год, и «Курс природоведения. Растение и его жизнь». 1918. Возможно, были и другие книги.

И. И. ТРОЯНОВСКІЙ.

ПРИРОДА И ЕЯ ЯВЛЕНІЯ.

Неорганическій міръ.
Растенія. Человѣкъ и
животныя. Свѣдѣнія
— изъ Физики. —

Для дружелюбныхъ учителей
и для школъ учебнаго заведения.

Съ иллюстраціями, въ цѣломъ
таблицами и таблицами рисунковъ,
сверстана.

Изданіе 64 Тиражъ 2500 экз.

И. И. ТРОЯНОВСКИЙ.

КУРСЪ
ПРИРОДОВѢДЕНІЯ.

Часть II-я.
Растение и его жизнь.

Московское общество любителей орхидей прекратило свое существование в начале Первой мировой войны, но трое наиболее активных его членов: И.И. Трояновский, А.П. Ланговой и С.И. Воронин - до конца своих дней разводили орхидеи.

В 1928 году И.И.Трояновского не стало. Судьба его коллекции неизвестна.

В 1931 году в рижской газете «Слово» неожиданно появилась статья памяти Трояновского: с опозданием, но понятным. Статью написал известный журналист, друг юности Трояновского, Александр Валентинович Амфитеатров, который давно уже жил в эмиграции и не имел ни своевременных, ни точных сведений о своем друге.

А.В. Амфитеатров . Меценат-эстет. Памяти «восьмидесятника» И.И. Трояновского

Очередное печальное известие из Москвы: скончался Иван Иванович Трояновский, один из лучших тамошних врачей и широко популярный в местной интеллигенции меценат-эстет, владелец замечательного собрания картин русской живописи. В 1918 году оно сдано им «на хранение», т.е. пожертвовано для спасения от большевицкого грабежа, в Третьяковскую галерею, где и находится ныне.

Как коллекционер Трояновский был ближе всего связан с «Миром искусства» дягилевской эпохи. Как цветовод председательствовал в Обществе культуры орхидей. Был товарищем председателя в Обществе свободной эстетики. Тесно дружил с Московским художественным театром, когда его только что начали созидать Станиславский и Вл.Ив. Немирович-Данченко.

А в студенческой юности мечтал об оперной карьере, учился петь одновременно со мною у А.Д. Александровой-Кочетовой и был своим человеком в ее гостеприимном доме и молодом обществе, влюбленно окружавшем прелестную дочь ее, Зою Разумниковну Кочетову, блестящую примадонну императорской московской оперы и, в скором последствии, супругу Василия Ивановича Немировича-Данченко. По университету мы с Трояновским почти товарищи: я, юрист, был на втором курсе, когда он, медик, кончал. Певцов же из нас обоих не вышло. Я хоть года три поболтался в этой карьере профессионально, а Трояновский профессии вовсе не вкусил, остался при любительстве. Но любителем был страстным. С этой стороны он почти портретно написан мною в романе «Товарищ Феня» («Звезда закатная») под именем доктора Афинского. Предупреждаю, однако, что другие комические слабости доктора Афинского к доктору Трояновскому никакого отношения не имеют. В особенности некоторые самолюбивые увлечения Афинского, простирающиеся до «уклонений от истины», хотя и невинных.

Напротив, Трояновский был правдив неукоснительно, ненавидел не только ложь, но и обычное пустопорожнее российское вранье интересности ради, говорил смело и откровенно, выражался резко. Свою медицинскую практику он начинал под сильным покровительством моего отца, протоиерея Валентина Николаевича Амфитеатрова, усердно рекомендовавшего его в богатые купеческие дома. Трояновский рекомендаций стоил и блестяще их оправдывал, но на первых порах приводил пациентов в панический ужас своими пессимистическими диагнозами, которые он излагал подробнейше, нимало не заботясь смягчать производимое впечатление.

«Ласкового теленка», приспособленного «двух маток сосать», в Трояновском не было ни на чуть ногтя, а, наоборот, очень много от брыкливого козлика. Он был смоляк, из смоленской шляхты, русский, но с примесью польской крови, что сказывалось не только в характере его, но даже и в наружности. Сам острил, бывало:

- Нас, смоляков, поляки дразнят: «Пул пса, пул козы, недовярок Божий», а русские: «Косточка дворянская, да собачьим мясом обросла». Души Трояновский был добрейшей и хороший, верный друг. Польская наследственность сквозила и в его остроумии, обычно беззлобном, но которое могло окисляться очень ядовито, когда он имел причины (всегда основательные) не уважать человека. Но в товарищеской перестрелке остротами он был несколько не обидчив: опять-таки польская черточка, - любит поляк меткое слово, хотя бы в укол себе. Антон Чехов говорил о себе, что медицина его законная жена, а литература любовница. Трояновский в университете тоже колебался, вступить ли ему в законный брак с медициною или в адюльтер с оперной карьерой. Медицина пересилила. И я думаю, что вовсе не потому, что Трояновский сознал слабость своих голосовых данных, довольно громкий и обширный по диапазону тенор его был, что называется, козловит; но он усердно учился, а при старательном и рациональном учении и не из таких «козлов» выходят удовлетворительные певцы. Нет, победило призвание. И к лучшему, как для самого Трояновского, так и для общества, которое в нем вместо посредственного певца приобрело превосходного врача.

Женитьба на Анне Петровне Обнинской, дочери известного Петра Наркизовича Обнинского, либерального прокурора судебной палаты, юриста и публициста самых передовых по тому времени взглядов, вдвинула Трояновского в «элиту» московской умеренно-левой

буржуазии. В успехе, славе и богатстве, достигнутых Трояновским, я его уже не знал. Мы разошлись, когда я перебрался из Москвы на жительство в Петербург, где потом случилось лишь однажды встретиться с ним на одной из Передвижных выставок, да и то мельком.

В искусстве Трояновского всегда тянуло к передовым течениям, за исключением, впрочем, музыки: в ней - не знаю, как впоследствии, но в пору нашей близости был он итальянским и чайковцем. В театре - с художественниками, в общем эстетизме - с Брюсовым, в живописи - с Рерихом, Сомовым, Бенуа, Сурьяном, Крымовым и др., в цветоводстве - с «утонченностью орхидей».

На этом последнем его пристрастии любопытно проследить, как человеком, случайно затолкнутым на коллекционерство, оно мало-помалу овладевает до неизбывной страсти. Помню великий хохот приятельского кружка, когда бедный-пребедный студент Иван Трояновский чуть ли не последний свой рубль истратил на приобретение какой-то полюбившейся ему махровой георгины. Может быть, с нее-то и пошло его последовательное превращение в художника-цветовода.

Погруженный в свою науку, в огромную врачебную практику, в искусство, в цветы, Трояновский не имел ни времени, ни охоты к интересам политическим. Сколько помню, он был выборщиком в Первую Государственную думу, - и только. По убеждениям «правый кадет», одно время он уклонился было в октябризм, но по весьма малом сроке возвратился обратно - в лоно кадетско-демократической партии или сочувствия ей, не знаю. Рожденный, может быть, отнюдь не только «для вдохновенья, для звуков сладких и молитв», что доказывала его медицинская и филантропическая деятельность, он, во всяком случае, не годился также «ни для житейского волненья, ни для корысти, ни для битв».

Доктор Афинский в моем романе врач по женским болезням. Трояновский в начале карьеры действительно хотел сосредоточиться на этой специальности, равно как очень увлекался он и хирургией. Однако почему-то ни гинекологом, ни хирургом он не остался: кажется, обе специальности не нравились его супруге, женщине превосходного ума и сердца, образования и воспитания и одаренной сильным волевым характером. На мужа она имела влияние огромное. Громкую свою известность Иван Иванович заслужил по преимуществу как врач внутренних болезней и почти безошибочный в них диагност, достойный ученик знаменитых Захарьина и Остроумова, младший товарищ Шервинского.

В гинекологический период его практики мы были дружны и очень часто видались. Я тогда только что вошел в московский журнализм и начинал пробовать свои силы в беллетристике. Некоторые рассказы Трояновского, а также одна рукопись, им для меня добытая от другого врача, специалиста-гинеколога и психиатра, послужили мне впоследствии богатым материалом для писания по «человеческим документам». В этом отношении И.И. Трояновский, московский психиатр С.С. Корсаков, петербургский - Б.В. Томашевский, московский председатель окружного суда Е.Р. Ринк, московский присяжный поверенный Н.П. Шубинской (супруг М.Н. Ермоловой) были для меня в дни молодости щедрыми источниками, благодарности которым я - сколько мне ни жить - не избуду.

Всеми глубоко уважаемый, горячо любимый своими близкими и друзьями, число же их было - что песку морского, прекрасный, безупречный семьянин, мирный, честно и трудо-

любиво талантливый, много полезный гражданин, И.И. Трояновский прожил долгую и в конце концов завидно счастливую жизнь. Да, как хотите, счастливую, - вопреки даже мраку, наплывшему в нее, как и на всю русскую интеллигенцию, с заменой на московском престоле русских царей большевицкими ханами. Верная подруга Ивана Ивановича Анна Петровна умерла несколько раньше. В их лицах сошла в могилу одна из интереснейших и излюбленных супружеских пар старой интеллигентной Москвы, моей Москвы, Москвы «восьмидесятников». И хотелось бы, - потому и пишу я эту памятку, - чтобы те хорошие московские люди, которые в России ли, на чужбине ли уцелели от большевицкого разгрома, не забыли этой милой «восьмидесятной» четы, потому что ее есть за что нам добром вспомнить.

Газета "Сегодня". 1931. № 146. 28 мая.